

«Национальное собрание совершенно уничтожает феодальный строй», - гласил первый пункт его постановления 5 августа. Но дальнейшие пункты постановлений, сделанных от 6 до 11 августа, объясняют, что совершенно исчезает *только личная зависимость* как унижительная для достоинства человека. *Все же остальные повинности, каковы бы ни были их происхождение и природа, остаются. Они могут быть выкуплены со временем*, но в августовских постановлениях ничто не указывает, когда и на каких условиях сможет произойти выкуп. Не назначается никакого срока для выкупа и не дается никаких указаний относительно процедуры, посредством которой выкуп может быть совершен. Нет ничего, ровно ничего, кроме *принципа*, кроме *высказанного желания*. А пока крестьяне должны платить все по-прежнему.

В этих постановлениях 5–11 августа 1789 г. было даже нечто худшее. Они открывали путь одной мере, которая могла сделать выкуп совершенно невыносимым, и такую меру Собрание действительно провело семь месяцев спустя. В феврале 1790 г. оно обязало крестьян выкупить *разом все* феодальные платежи, падавшие на покупателя или арендатора земли, и тем сделало выкуп совершенно недоступным для них. Саньяк в своем интересном труде¹ замечает, что Деменье предлагал такого рода меру еще 6 и 7 августа. И вот, как мы увидим ниже, Собрание издало в феврале 1790 г. закон, по которому стало невозможным выкупать повинности, связанные с владением *землей*, не выкупая вместе с тем и повинностей *личных*, т. е. крепостного происхождения, хотя эти последние были уже уничтожены декретом 5 августа 1789 г.

Увлеченные энтузиазмом, с каким была встречена в Париже и во всей Франции весть о заседании 4 августа, историки не останавливаются достаточно на тех ограничениях первого параграфа своего постановления, которые Собрание внесло в последующих заседаниях, от 5 до 11 августа. Даже Луи Блан, приводящий в главе «Отношения революции к собственности»² все необходимые данные для того, чтобы судить о содержании августовских постановлений, по-видимому, колеблется, словно он боится разрушить красивую легенду. Он только вскользь упоминает об этих ограничениях и даже старается оправдать их, говоря, что «логика фактов осуществляется в истории далеко не так быстро, как логика идей в голове мыслителя». Но эта неясность, эти сомнения, эти колебания, которыми Собрание ответило крестьянам на их требование ясных и точных мер для уничтожения старых злоупотреблений, сделались источником жестокой борьбы в течение четырех последующих лет. Только четыре года спустя, после исключения жирондистов из Конвента в июне 1793 г., удалось поставить во всей целостности вопрос о феодальных правах и разрешить его в духе 1-го пункта постановления 4 августа³.

Теперь, сто лет спустя, жаловаться на поведение Национального собрания не приходится. В сущности, оно сделало все, чего только можно было ожидать от собрания собственников и буржуа, может быть, оно сделало даже больше. Оно *провозгласило принцип громадной важности* и тем как бы призывало народ идти дальше. Но иметь в виду сделанные им ограничения необходимо, потому что, если мы примем в точном смысле первый пункт декрета 4 августа, в котором говорится о полном упразднении феодального строя, мы рискуем не понять ни истории последующих четырех годов революции, ни той жестокой борьбы между революционерами, которая произошла в Конвенте в 1793 г.

Постановления Собрания встретили страшное сопротивление. Если, с одной стороны, они несколько не удовлетворили крестьян и послужили сигналом к новому взрыву крестьянского восстания, то, с другой стороны, дворянство, высшее духовенство и король увидели в них попытку ограбить привилегированные сословия. С этого момента началась против революции подпольная, неустанная и все более и более ревностная агитация. Собрание думало, что охраняет права земельной собственности, и в обыкновенное время подобный закон мог бы даже достигнуть этой цели. Но все те, кто был тогда на

¹ Sagnac Ph. La legislation civile de la Revolution francaise, p. 90.

² Blanc L. Histoire de la Revolution francaise, v, 1–3, Paris, 1869, v. 2, ch. 1.

³ Бюше и Ру (Buche B. — J., Roux P. — C. Histoire parlementaire de la Revolution francaise, v. 1–40, Paris, 1834–1838, v. 2, p. 243) видят в заявлениях 4 августа лишь необходимую уступку, вытекавшую неизбежно из прений о Декларации прав человека. Большинство было заранее согласно с этой Декларацией, а ее принятие влекло за собой уничтожение привилегий. Интересно, как сообщила о ночи 4 августа Madame Elisabeth — сестра короля своей приятельнице, госпоже de Mombelles: «С энтузиазмом, достойным французского народа, — пишет она, — дворянство отказалось от всех феодальных прав и от прав охоты. Туда же войдет, я думаю, и рыбная ловля. Духовенство точно так же отказалось от десятины, треб и возможности иметь несколько бенефиций одновременно. *Надеюсь, что это прекратит поджоги замков. Их сожжено 70*» (см.: Feuillet de Conches F. S. Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inedits v 1–6 Paris. 1864–1873, v. 1, p. 238).